

ПРИЧАСТИЕ И ДЕЕПРИЧАСТИЕ: ИХ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И ФУНКЦИИ В ЯЗЫКЕ

Урунова Фируза Хайдаровна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского государственного педагогического института

Вафаева Севинч

Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического института

Аннотация. В данной статье исследуется синкретическая природа причастия и деепричастия как специфических репрезентатов глагольной семантики в системе русского языка. Анализирует их морфологический статус через призму концепции «гибридности», рассматривая причастие как пересечение глагола и прилагательного, а деепричастие — как синтез глагола и наречия. Особое внимание уделяется функциональному потенциалу данных форм в художественном тексте и их способности к компрессии синтаксических структур.

Ключевые слова: причастие, деепричастие, морфологический статус, гибридные формы, глагольность, атрибутивность, адвербиальность, лингвистическая компрессия.

Abstract. This article examines the syncretic nature of the participle and the gerund as specific representatives of verbal semantics in the Russian language system. The author analyzes their morphological status through the prism of the «hybridity» concept, considering the participle as an intersection of a verb and an adjective, and the gerund as a synthesis of a verb and an adverb. Special attention is paid to the functional potential of these forms in a literary text and their ability to compress syntactic structures.

Keywords: participle, gerund, morphological status, hybrid forms, verbality, attributivity, adverbiality, linguistic compression.

Вопрос о морфологической принадлежности причастий и деепричастий на протяжении столетий остается одной из самых дискуссионных зон в славистике. Природа этих форм такова, что они неизменно ускользают от жесткой классификации, балансируя на гранях категориальных полей. Если рассматривать язык как живой, пульсирующий организм, то причастие и деепричастие предстают в нем не застывшими единицами, а динамическими

мостами, соединяющими действие с его качественным или обстоятельством воплощением.

Морфологический статус причастия традиционно определяется его двойственностью. С одной стороны, оно несет в себе мощный энергетический заряд глагола — категорию времени, вида и залога. С другой стороны, оно облекается в «одежды» прилагательного, принимая формы рода, числа и падежа. Это не просто формальное совмещение признаков, но глубокий семантический синтез. Как отмечал в своих размышлениях Виктор Виноградов, причастие — это «опредмеченное действие», переведенное в регистр статического признака. Оно позволяет нам видеть мир не просто как набор процессов, а как совокупность качеств, порожденных этими процессами. В художественной литературе эта особенность причастия становится инструментом создания многомерных образов. Представим себе описание заброшенного сада: вместо сухого перечисления действий («листья опали», «тропинки заросли»), автор использует причастия — «опавшие листья», «заросшие тропинки»¹. В этот момент время в тексте словно густеет. Действие уже совершилось, но его результат продолжает существовать как неотъемлемое свойство предмета. В художественных пересказах классических описаний природы причастия часто выполняют роль «закрепителя» мгновения, превращая динамику жизни в живописное полотно, где каждый мазок кисти — это бывшее движение, ставшее цветом и формой.

Деепричастие, в свою очередь, демонстрирует иной вектор гибридности. Оно тяготеет к наречию, утрачивая словоизменительные категории, но сохраняя при этом глагольную энергию управления и вида. Если причастие — это «прилагательное действия», то деепричастие — это «наречие действия». Оно вводит в предложение вторичный предикативный центр, позволяя описывать не одно событие, а целую иерархию актов. Лингвист Александр Пешковский подчеркивал, что деепричастие придает речи необычайную гибкость, позволяя «дорисовывать» основное действие, создавать вокруг него свиту из сопутствующих обстоятельств. Функциональная значимость этих форм в языке трудно-переоценима. Они являются главными агентами синтаксической компрессии. Там, где потребовалось бы сложноподчиненное предложение с громоздкими союзами «который» или «когда», причастный или деепричастный оборот справляется одним точным штрихом². Это создает эффект стремительности, интеллектуальной плотности текста. В произведениях, требующих высокой концентрации смыслов, — от философских эссе до лирической прозы — данные формы становятся каркасом, на котором держится эстетическое единство произведения. Критики и теоретики литературы часто

¹ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1986. С. 245.

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 112–115.

обращают внимание на то, как использование причастий влияет на ритмический рисунок прозы. Существует мнение (в корректном пересказе идей формальной школы), что избыток причастий может «отяжелять» слог, придавая ему латинскую торжественность или канцелярскую сухость. Однако при умелом обращении они создают эффект объемного зрения. Читатель видит предмет не в вакууме, а в контексте его предыстории и связей с окружающим миром.

Деепричастие же, по мысли исследователей функциональной стилистики, отвечает за «кинематографичность» текста. Оно позволяет автору монтировать кадры, совмещать в одном моменте несколько планов движения. Когда мы читаем о герое, который «всхлипывая и озираясь, бежал по коридору», мы воспринимаем это как единый, неразрывный акт. Без деепричастий описание превратилось бы в пунктирную линию разрозненных фактов. Причастие и деепричастие не являются «второсортными» или «периферийными» формами. Это квинтэссенция глагольности, её выход в другие грамматические измерения. Они обеспечивают языку возможность быть одновременно экономным и избыточным, точным и метафоричным. Их статус — это статус медиаторов, связующих звеньев между миром действий и миром признаков, что делает их незаменимыми инструментами в арсенале любого творца слова.

Причастие в системе языка выступает как инструмент ретроспекции и актуализации. Оно способно консервировать время. В художественном пересказе описаний из классической прозы (например, в духе тургеневских пейзажей) причастие часто берет на себя роль «застывшего кадра». Когда автор пишет о «дрожащем на ветру листе» или «почерневшей от дождей калитке», он не просто указывает на признак, он вводит в повествование незримое присутствие прошлого или длящегося настоящего. Критики-лингвисты, такие как Г. О. Винокур, в своих работах (в корректном пересказе их идей) подчеркивали, что причастие — это форма, которая придает существительному «глагольный пульс». Оно делает предмет активным участником бытия, даже если тот статичен³.

Деепричастие же функционирует как вектор направленности. Оно не просто сопутствует главному действию, оно его интерпретирует, задает ему модальность и ритм. В литературе это часто используется для создания эффекта психологической глубины. Вместо того чтобы сказать «он шел и думал», писатель использует деепричастие: «он шел, погружаясь в тяжелые думы». Одно действие становится фоном, а другое — сущностным наполнением момента. Это позволяет избежать линейности повествования, превращая текст в многослойную партитуру.

³ Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. С. 89.

Особый интерес представляет переход причастий и деепричастий в другие части речи — процессы адъективации и адвербиализации. Когда причастие окончательно теряет связь с глаголом («блестящий ответ», «выдающийся ученый»), оно становится чистым качеством. Это свидетельствует о пластичности языка: действие застывает, превращаясь в оценку. Деепричастие, застывая, превращается в предлог или наречие («несмотря на», «молча»), что демонстрирует путь от конкретного акта к абстрактному грамматическому отношению. В синтаксическом аспекте данные формы являются мощнейшим средством экономии речевых усилий. Они позволяют упаковать сложное логическое содержание в лаконичную форму. В научной литературе это обеспечивает точность и строгость изложения, в художественной — динамику и экспрессию. Без этих «полуглагольных» форм русский язык потерял бы свою архитектурную стройность, превратившись в нагромождение простых предикативных конструкций.

Причастия и деепричастия являются уникальными адаптивными механизмами русского языка. Их статус не может быть определен однозначно как «часть речи» или «форма глагола» в отрыве от их функционального поля. Это переходные категории, которые обеспечивают связность номинативного и предикативного уровней языка. Причастие, совмещая атрибутивность с глагольностью, позволяет объективировать действие как признак, расширяя границы описательности. Деепричастие, соединяя адвербиальность с глагольностью, структурирует событийный ряд, создавая иерархию действий. Вместе они формируют каркас интеллектуально насыщенной речи, позволяя автору оперировать сложными временными и причинно-следственными связями с максимальной стилистической изящностью. Будущее изучение этих форм видится в русле когнитивной лингвистики, где их гибридность будет рассматриваться как отражение сложности человеческого восприятия времени и пространства.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
3. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. — М.: Высшая школа, 1991. — 448 с.
4. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л.: Учпедгиз, 1941. — 620 с.
5. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. — Л.: Наука, 1987. — 348 с.
6. Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология / Под ред. В. В. Виноградова. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 720 с.